

Она приоткрыла свои стеклянные глаза и еле прошептала:

— Где я? Кто ты?

И начала судорожно рыдать. На полу рядом с кроватью в луже рвотных масс валялась пелёнка, рядом на табуретке стояло судно.

— Мне плохо, плохо, возьми меня за руку,— шептала она.

Я взяла и крепко сжала её левую руку.

Было видно, как она обмякла телом, расслабилась и снова зашептала:

— Ты ангел. Ты мой ангел. Я вижу ангела. Спасибо, что ты пришёл.

— Да не за что,— отвечала я, ещё сильнее сжимая её ладонь.— Как вас зовут? Вы слышите меня? Как вас зовут?

— Ве-е-ера-а-а-а,— еле внятно произнесла она.— Я где?..

— Вы в палате. Всё уже позади. Наркоз скоро пройдёт. Вам плохо от наркоза. Потерпите немножко. Так бывает. Всё уже хорошо.

Из глаз её, затуманенных и стеклянных, снова полились слёзы, губы задрожали, лицо, выражавшее обиду на всех, скукожилось в какой-то комочек; она хотела поднять голову и подтянуться ко мне лицом поближе, чтобы рассмотреть меня, но действие наркоза свалило её снова на подушку; она закрыла глаза, из которых продолжали бежать слёзы, и снова зашептала:

— Ты мой ангел, тебя послали оттуда, ты вся в белом; не уходи, не оставляй меня, побудь со мной рядом. Держи меня за руку.

Речь её путалась и была несвязной, язык заплетался, но слова и желания можно было понять и угадать.

Я сидела на уголке кровати, крепко сжав уже обе её руки, а она на ощупь дотрагивалась до моих пальцев, как бы не веря, что всё это наяву, что она уже здесь, в этом мире. Прошло несколько минут. Я понимала, что надо с ней всё время говорить, и стала

рассказывать о себе. Она слушала и медленно приходила в себя, задавала вопросы, а потом стала рассказывать о себе.

Звали её Вера. Было ей пятьдесят лет. Чуть больше полгода назад Вера перенесла операцию — удаление раковой опухоли молочной железы. Жили они с мужем в Шарыповском районе Красноярского края. Держали хозяйство: индюков, курочек-несушек.

После операции индюков пришлось продать, потому что поднимать тяжёлое было уже нельзя. И Вера занялась разведением и продажей хризантем, чтобы не сидеть сложа руки, как говорится. За этой операцией последовала вторая и вот теперь третья. Вера плохо перенесла наркоз. Очевидно, что после онкологии организм был ослаблен, и ей было тяжело.

К вечеру ей стало полегче.

Я водила её на уколы, она потихоньку приходила в себя.

— Ну ничего, завтра я буду за тобой ухаживать, — говорила она.

Мне было немножко не по себе открываться перед чужим человеком и понимать, что завтра, возможно я точно так же буду плакать после наркоза и просить помощи.

И вот наступило завтра. Вера сидела в нашей палате, когда меня позвали на операцию. Привезли на каталке обратно минут через пятьдесят. Санитарки почему-то называли меня буйной и, когда перекладывали на кровать, тумбочку поставили посередине, чтобы я не упала.

Я пришла в себя почти сразу; не было ничего — ни тошноты, ни истерик, ни слёз. Простая обычная слабость и помутнение рассудка. Я не летела по белому коридору, не слышала музыки, не встретила папу, а так хотелось с ним поговорить.

Нет, ничего этого не было.

Когда открыла глаза, Вера сидела рядом со мной на краешке кровати и гладила нежно по руке.

— Ну вот, ты в палате, всё закончилось, всё хорошо, — говорила она.

Я пошевелила ногами, руками — работают.

«Ну вот, я живая, перенесла наркоз; значит, жизнь продолжается», — подумалось мне.

Как хорошо и приятно, что я сейчас была не одна, со мной рядом Вера, и она успокаивала меня, как мама.

Я закрыла глаза, успокоилась и ушла в глубокий долгий сон.